

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.241:001.891"311"

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).2.160-169

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИДЕИ НАКАЗАНИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Константин Антонович Сыч¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена концепциям наказания в истории уголовного права. Используется классификация теорий, которые получили наибольшее распространение в XIX–XX веках в русском уголовном праве. Обращается внимание на то обстоятельство, что современные парадигмы наказания используют опыт прошлого не в полной мере.

Ключевые слова: наказание, кара, исправление, психологическое воздействие, возмещение вреда, материальное возмездие, божественное возмездие

Для цитирования

Сыч К. А. Концептуальные идеи наказания в истории науки уголовного права // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 2. С. 160–169. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).2.160-169.

SCIENCE FORUM

Original article

CONCEPTUAL IDEAS OF PUNISHMENT IN THE HISTORY OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, vladimir_1@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the concepts of punishment in the history of criminal law. The classification of theories that became most widespread in the 19th–20th centuries in Russian criminal law is used. At the same time, attention is drawn to the fact that modern punishment paradigms do not fully use the experience of the past.

Keywords: punishment, punishment, correction, psychological impact, compensation for harm, material retribution, divine retribution

For citation

Sych, K. A. 2025, 'Conceptual ideas of punishment in the history of the science of criminal law', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 2, pp. 160–169, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).2.160-169.

Современные парадигмы наказания в той или иной степени повторяют его концептуальные идеи, которые были предметом острых дискуссий различных научных школ.

Так, классическая школа уголовного права, как известно, в своем научном потенциале имеет преимущественно три группы теорий наказания: 1) абсолютные теории; 2) относительные теории [1, с. 42]; 3) смешанные теории, которые получили обоснование с позиций совершенно разных философских концепций.

В классификационном ряду этих теорий наказаний особое место занимают абсолютные теории наказания, которые рассматривали последнее как нечто неизбежное, необходимое само по себе, в силу требования высших законов природы, как божественная справедливость. Сторонники абсолютных теорий исключали постановку каких бы то ни было социальных целей наказания, его полезных объективных свойств, поэтому вполне закономерно, что в разряд абсолютных теорий наказания включались: теория божественного возмездия; теория материального возмездия, построенная на принципах категорического императива И. Канта; теория диалектического возмездия Г. В. Ф. Гегеля.

Первая из перечисленных теорий наказания – теория божественного возмездия – заключала в себе идею, согласно которой государство «не изобретает» наказания, а лишь исполняет волю божества, высших законов. В силу данного обстоятельства сторонники этой теории полагали, что наказание не может рассматриваться с точки зрения его полезных социальных свойств, а потому перед ним не может быть поставлено каких бы то ни было социальных целей. Наказание здесь выступает как высшая благодать, дарованная Богом. Вполне очевидно, что теория божественного возмездия во многом совпадала с религиозно-догматическими концепциями наказания. Наверное, это объясняется тем обстоятельством что, философия, а вместе с ней и все гуманитарные науки

находились под доминирующим влиянием христианской идеологии. Теория божественного возмездия представляет наказание как отмщение за нарушение заповедей Бога, а потому в конечном счете оно является искуплением вины преступника. Н. С. Таганцев по этому поводу задавался вопросом: доказал ли И. Шталь, один из родоначальников этой теории, как такое представление о наказании вяжется с христианской идеей о благодати Божьей, с представлениями о Христе, с креста учившем прощать врагов своих; доказал ли И. Шталь, что тюрьмы, плети или виселицы действительно являются искуплением перед лицом Всевышнего [1, с. 42–43]? Наверное, нет. Теория божественного возмездия, по-видимому, скорее была направлена на оправдание жестокостей Средневековья, которые применялись к различным типам преступников вплоть до начала XX века и которые уже не воспринимались возросшим общественным сознанием как необходимые и полезные в социальном отношении. Эта теория была удобной в том отношении, что исключала всякую дискуссию о существовании наказания.

Заметное место в ряду абсолютных теорий наказания занимает теория материального возмездия, в основе которой лежит идея И. Канта о нравственном возмездии человеку за совершенные им поступки. В силу этой идеи зло должно быть отплачено злом, равное наказание за равное преступление, что, по существу, являет собой философскую модификацию древнего принципа талиона.

Пытаясь найти ответ на вопрос о соразмерности наказания совершенному преступлению, И. Кант отмечал: «То зло, которое ты причиняешь в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого – значит, ты оскорбляешь себя; бьешь его – значит, сам себя бьешь; убиваешь его – значит, ты сам убиваешь себя. Лишь право возмездия, если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания» [2, с. 367]. «Кант рекомендует законодателю систему грубейшего талиона, – замечает М. Л. Чубинский, – а именно: за убийство – смертную казнь, за оскорбление – позорящие и унижительные наказания, за изнасилование и мужеложство – кастрацию...» [3, с. 196]. И далее: «Некоторые рекомендации И. Канта просто неприемлемы для целей уголовной политики, например, когда за скотоложство предлагается уже не кастрация, а изгнание из гражданского общества, за кражу – лишение вора не только всей собственности, но и заключение его в тюрьму с принудительными работами, то есть меры, уже ничего общего с воздаянием равное за равное не имеющие» [3, с. 196]. Здесь, по мнению М. Л. Чубинского, происходит замаскированный переход на почву соображений целесообразности.

История уголовного наказания свидетельствует о том, что возмездие равным за равное, понимаемое в буквальном смысле, не всегда представляется возможным, потому как чаще всего те юридические блага, которых лишается виновный, являются куда большими, чем те блага, которым причинен вред совершенным преступлением. «Да даже и там, где, по-видимому, воздаяние возможно, – отмечал Н. С. Таганцев, – равенство представляется, по существу своему, мнимым: кто решится утверждать, что сумма страданий, испытанных убитым, равносильна страданиям присужденного к смертной казни, что неприятность утраты какой-либо, хотя бы и ценной вещи, равносильна двум или трем годам лишения свободы и т. д.? Величины эти по природе своей несоизмеримы» [1, с. 44]. Воздаяние равным за равное как основная идея теории материального возмездия в действительности с точки зрения законотворческой и судебной практики является воздаянием неравным за равное. Стало быть, воздаяние равным за равное

как основополагающий принцип построения системы наказания на деле означает, что преступление и наказание рассматриваются сторонниками теории материального возмездия как равноценные величины.

Теория диалектического возмездия Г. В. Ф. Гегеля включает в себе идею, согласно которой наказание имеет в виду не чувственный момент страдания, требующий равномерности воздаяния, а как логическое и естественное продолжение совершенного преступления. Определяя происхождение права государства быть субъектом наказания, Г. В. Ф. Гегель писал: «Право государства заключено в самом деянии преступника, которым он сам признает, что его надлежит судить. Будучи убийцей, он устанавливает закон, что уважать жизнь не следует. Он высказывает в своем деянии всеобщее желание; тем самым он сам выносит себе смертный приговор» [4, с. 413–414].

Исходным положением, которое присуще абсолютным теориям в целом, является индетерминистический взгляд на институт преступления. Преступление рассматривается представителями этого научного направления как результат свободной и злой воли человека, который свободно выбирает себе поведение между добром и злом. В силу этого лицо, совершившее преступление, морально ответственно и виновно, поэтому наказание является возмездием преступнику равным злом за зло, причиненное совершенным им преступлением. Возмездие преступнику должно являться для него, по мнению теоретиков-классиков, искуплением совершенного им преступления.

В юридической литературе дореволюционной России идеи абсолютных теорий наказания не получили признания. Известный русский криминалист Н. С. Таганцев оценивал концепции наказания И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, называя их наказаниями ради наказания, которые лишены всякого практического значения [1, с. 70]. С таким утверждением Н. С. Таганцева согласиться в полной мере нельзя. Следует, видимо, указать на то обстоятельство, что законодательные модели наказания, преимущественно европейских государств, основаны на философских идеях И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Абсолютные теории представляют собой философскую разработку императивов, требований от наказания соблюдения абсолютных принципов идеально-нравственного, эстетического, религиозного, логического характера [5, с. 10]. Как справедливо отмечал С. П. Мокринский, нельзя во имя безусловного требовать чего-либо от государственной политики, сферы, где все условно и зиждется на компромиссе разноречивых социальных интересов [5, с. 10–11].

С полным основанием можно сказать, что русские дореволюционные правоведы в большинстве своем стояли на позициях утилитарных теорий наказания.

Утилитарное течение в классической школе уголовного права, напротив, стремилось вывести необходимость наказания из его полезности, опираясь на цель, лежащую вне самого наказания [6, с. 8]. Среди великого множества концепций наказания, выдвинутых этим течением, наибольшее распространение получили концепции: устрашения, исправления, общего предупреждения, психологического принуждения.

Отмеченные теории наказания составляют разряд так называемых относительных теорий, которые пытались вывести необходимость наказания из его социально полезных свойств и целей. Профессор И. Я. Фойницкий по этому вопросу писал: «Относительные теории не только требуют достижения посредством известных целей, но самое существование наказания оправдывают исключительно этими целями» [12, с. 53].

Из того большого перечня теорий наказания, которые составляют разряд относительных теорий, остановимся на главных: а) теория устрашения; б) теория исправле-

ния; в) теория предупреждения; г) теория психологического принуждения; д) теория вознаграждения.

Теория устрашения является одной из самых древних, берущих свое начало с Уложения 1649 года, где указывалось, «чтобы иные, смотря на то, казнились бы и от того злого дела унялись». В основе рассматриваемой теории лежала идея о том, что страх перед уголовным наказанием должен удерживать всех тех, кто имеет склонность к преступному поведению. Причем наказание должно быть настолько жестоким, чтобы внушить удерживающий страх, оно должно поражать сознание неустойчивых лиц своим видом и процедурой его исполнения.

Страх, на наш взгляд, чтобы иметь значение действенного мотива, способного изменить поведение человека, удержать его от общественно опасного поступка, должен быть реальной категорией, оказывающей постоянное влияние на сознание лица. Теория устрашения, как ни одна из теорий наказания, получила широкую поддержку на законодательном уровне и в правоприменительной практике.

Во вводных замечаниях к Норвежскому уголовному кодексу 1842 года совершенно определенно указывается: «Теория устрашения, фактически образующая основу нашего теперешнего законодательства... представляется главным фактором, который следует принимать во внимание при определении характера и примера наказания, соображения же о воздействии наказания на отдельного преступника должны быть побочными и приниматься во внимание постольку, поскольку достижение первой цели позволяет это» [12, с. 27].

Вполне очевидно, что наказание, рассматриваемое как социально-правовая категория, несомненно, включает в свое содержание страх как психологическое переживание человека. Однако страх как мотив удержания представлен в наказании в довольно абстрактной форме, поскольку против него действуют контрмотивы, например, не узнают, не найдут, не докажут, поэтому трудно рассчитывать, что посредством только страха, заключенного в наказании, даже в форме жестоких его видов, можно эффективно бороться с преступностью.

Теория устрашения, получившая свое развитие в рамках классической школы, в основу своего учения кладет принцип страха как мотива удержания неустойчивых лиц от совершения дальнейших преступлений.

Теория исправления также является одной из самых распространенных теорий наказания классической школы уголовного права. В общем виде основная суть теории исправления заключается в том, что наказание, оказывая влияние на личность преступника путем ущемления его юридических благ, тем не менее видит в нем человеческую личность, которой стремится помочь в преодолении ее собственных недостатков. Изначально рассматриваемая теория включала в себя как моральное, так и юридическое исправление. Однако теоретически обоснованного положения о том, что следует понимать под моральным или юридическим исправлением в литературе нет. В большей степени теория исправления представлена в юридической литературе так называемым юридическим исправлением, которое весьма существенно отличается от морального.

Моральный аспект исправления более обстоятельно представлен в религиозно-философской литературе XVII–XVIII веков.

Представляется, что именно в эпоху Средневековья берет свое начало концепция исправления личности преступника. Это связано прежде всего с тем, что идея наказания в религиозно-философской литературе всецело была подчинена идее исцеления,

покаяния, исправления. Например, «Книга покаяний» Бухарда Вермского начинается такими словами: «Эта книга называется «исправитель» и «врач», потому что она содержит довольно средств для исправления тел и лечения душ и учит всякого священника, даже необразованного, как ему помочь каждому человеку» [9, с. 81].

Отмеченные положения нашли свое отражение в «Книге покаяний» Колумбана: «Болтливого человека следует приговорить к молчанию, нарушителя спокойствия к тишине, греховного к посту...» [9, с. 82].

К этой идее наказания человечество возвращалось не раз, но всегда убеждалось в том, что изменить (исправить) сознание личности преступника, его внутренний духовный мир и систему социальных мотиваций посредством причинения страдания – недостижимая цель.

Теория предупреждения, получившая свое становление и развитие в рамках отнесенных теорий наказания, известна в юридической литературе еще как теория частного предупреждения. Соответственно теория устрашения с полным основанием относится к учению об общем предупреждении. В этом смысле на первый план выдвигается преступная воля человека, его сознание, побудительный мотив. Иными словами, объектом репрессивного воздействия избирается в данном случае сознание и воля преступника. Основной тезис теории принуждения заключен в известных словах профессора Ф. Листа: «Наказанию подлежит не преступление, а преступник». Теория предупреждения, понимаемая в таком аспекте, очень близка по своей природе к позитивистским теориям наказания, с той лишь разницей, что она, находясь в русле классической школы уголовного права, все же признавала виновного, соразмерность и другие важнейшие положения. Не случайным в связи с этим является обоснование целей наказания сторонниками рассматриваемой теории, которое имеет ряд сходных черт с позитивистскими теориями: уничтожение посредством наказания в преступнике общественно опасного состояния, обнаруженного в результате совершенного преступления, причем это принудительное предупреждение зла может быть достигнуто путем угрозы, заставляющей преступника отказаться от своих намерений, или уничтожением для преступника физической возможности делать зло, например, в результате применения смертной казни, пожизненного заключения [1, с. 61].

Следует отметить, что теория частного предупреждения остается по-прежнему одной из приоритетных теорий наказания в науке уголовного права. Профессор И. Анденес, основываясь на результатах своего исследования, посвященного проблеме предупреждения преступлений, приходит к выводу о том, что частное предупреждение как результат воздействия наказания на наказуемого имеет своей целью моральное совершенствование или приобретение социальных привычек лицом, подвергшимся его воздействию [8, с. 31]. Такое широкое толкование понятия «частное предупреждение» не совсем оправданно. Все дело в том, что данным определением охватываются такие идеи, как устрашение, исправление, удержание и др. Наверное, частное предупреждение следует толковать в более узком смысле: когда в результате применения наказания преступник лишается физической возможности совершать преступления. В противном случае теряют свое самостоятельное значение теории исправления, устрашения и удержания.

Идеи теории частного предупреждения, как известно, нашли свое отражение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ). В частности, ст. 43 УК РФ закрепляет: наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Теория психологического принуждения, родоначальником которой принято в юридической литературе считать А. Фейербаха, включает в себе идею, согласно которой наказание как уголовно-правовая санкция на стадии его законодательного закрепления, угрожает всем, кто намеревается посягнуть на установленный запрет. Теория психологического принуждения, по мнению А. Ф. Бернера, стремится устрашать не видом казни, но удерживать от преступления самой угрозой наказания, заключающейся в законе [6, с. 12].

В общем смысле теория психологического принуждения вполне может быть выражена в главном ее тезисе: риск разоблачения и наказания превышает соблазн совершить преступление. Иными словами, уголовное наказание, по мнению сторонников этой теории, имеет механизм социально-психологического действия еще до того, когда конкретный его вид будет назначен судом, то есть до момента реального его применения. Исполнение уголовного наказания лишь придает угрозе закона реальный характер.

А. Фейербах так определял значение теории психологического принуждения: «Сила желания совершить поступок прекращается тем, что после дела его неминуемо последует зло, гораздо большее той неприятности, какая от неудовлетворенного побуждения произойти может» [10, с. 14]. Отсюда, по Фейербаху, наказания разделяются на две группы: наказания угрожаемые и наказания причиняемые. Цель первых – отвращение страхом от преступления, цель вторых – демонстрация действенности закона [10, с. 16]. Эту же позицию разделял в советской науке уголовного права профессор И. И. Карпец: «Суровое наказание как средство общего предупреждения более эффективно не тогда, когда оно назначается конкретному преступнику, а тогда, когда оно само по себе существует в законе, и люди знают, что за такое-то тяжкое преступление следует такое-то суровое наказание» [11, с. 156].

Однако следует признать, что идеи концепции психологического принуждения воспринимались в юридической литературе неоднозначно. В частности, профессор Н. С. Таганцев еще в конце XIX века отмечал: «Но, присматриваясь к основам этой теории, нельзя не сказать, что она является не только односторонней, но и неверной. Угрозой злом не исчерпывается вся правоохранительная деятельность государства; устрашение нельзя признать единственным мотивом, удерживающим преступную волю» [1, с. 49].

Представляется, что теорию психологического принуждения не следует рассматривать под углом зрения единственно верной, способной разрешить проблему уголовного наказания в целом. Вместе с тем идеи этой теории имеют рациональное зерно. Угрозу наказанием, вытекающую из требований уголовного закона, видимо, следует рассматривать как эффективное воздействие, направленное на предупреждение совершения преступления лишь применительно к определенной социальной группе людей, которые воспринимают строгость наказаний в качестве действенного мотива поведения. Само собой разумеется, что определить на социологическом уровне данную группу сложно, но и однозначно отвергать ее наличие, наверное, не совсем правильно.

Теория вознаграждения в науке уголовного права получила не такое распространение, как, скажем, те теории, которые мы уже рассмотрели в рамках классической школы. Основная идея отмеченной теории, на наш взгляд, состоит в том, что наказание рассматривается в качестве эффективного средства заглаживания вреда, причиненного преступлением. Один из родоначальников теории вознаграждения профессор Г. Велькер так определял ее главный тезис: «Вред, который причиняет преступник, может быть материальный или идеальный: материальный вред заглаживается в порядке

гражданского правосудия; заглаживание идеального вреда всегда дает содержание карательной деятельности государства» [1, с. 63].

Идеальный вред, по мнению А. Ф. Бернера, заключается в соблазнительности дурного примера, в проявлении неуважения к закону, в нарушении общественного спокойствия. Этот идеальный вред и должен быть заглажен посредством уголовного наказания [6, с. 14].

Более обстоятельно определяет понятие идеального вреда, который должен быть возмещен, по мнению сторонников теории возмещения наказания, профессор Н. С. Таганцев. Во-первых, преступник доказывает в преступлении очевидный недостаток правомерной воли, уважение к правам и достоинствам как своему, так и других, уважение к закону. Во-вторых, преступник возбуждает презрение и самому себе, становясь непригодным для гражданского общества. В-третьих, преступление нарушает правосудие потерпевшего, унижает личностные достоинства человека, колеблет уважение к первому, побуждает к неправомерным действиям, к мести [1, с. 64]. Отсюда логически вытекает, по мнению авторов рассматриваемой теории, что наказание, причиняющее страдание преступнику, способно возместить причиненный преступлением идеальный вред.

Теория вознаграждения или заглаживания вреда имеет все основания получить дальнейшее развитие в современной юридической науке в смысле возмещения не только идеального, но и материального вреда средствами уголовной юстиции. Само собой разумеется, что существующая модель наказания, основанная на репрессивном воздействии на преступника, не включает, да и не может включать в свое содержание механизм возмещения материального вреда. Как представляется, проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, нуждается в более фундаментальном исследовании.

Таким образом, рассмотренные нами так называемые относительные теории наказания имеют то общее, что пытались предложить такую модель наказания, которая была бы пригодной для социально полезных целей.

Смешанные теории наказания представляют собой ту группу теорий, которые выводят необходимость наказания, право государства на карательную деятельность, право государства на установление видов наказания, включая смертную казнь и пожизненное лишение свободы. Как нам представляется, смешанные теории в большинстве своем составляют скорее предмет философии права, чем предмет юридической науки. Кроме того, идеи, выдвигаемые этими теориями, имеют сходство с теориями абсолютными и относительными.

Сторонники смешанных теорий пытались соединить идеи абсолютных и относительных теорий и представить их в виде общей концепции наказания. Попытки объединения абсолютных и относительных теорий выражаются в обосновании наказания как справедливого воздаяния, являющегося результатом преступления, как возмездия, воздаяния равным за равное, определяющее пределы наказания. Идея социальной полезности наказания, соединенная с идеей возмездия, божественной кары, рассматривается сторонниками этих теорий как нечто допустимое в силу недостатков организации человеческого общества [1, с. 52].

Таким образом, смешанные теории наказания одновременно представляют модель такого наказания, которое, с одной стороны, является неизбежным злом, а с другой стороны, способно быть общественно полезным средством для достижения социальных целей уголовного закона. Противоречивость рассматриваемых теорий состоит, на наш взгляд, в том, что проводится основная мысль о возможности достижения высоких и

благородных социальных целей посредством неизбежного зла, которое заключено в наказании. Вот почему концептуальные идеи наказания, связанные с постановкой перед ним социально полезных целей, нуждаются в весьма существенном уточнении, с учетом современных реалий. Напротив, теория диалектического возмездия Г. В. Ф. Гегеля, которая определяет наказание и его социальную сущность как правовое последствие совершенного лицом преступления, очень востребована современной парадигмой наказания, поскольку последнее по-прежнему отчетливо сохраняет черты возмездия. Наказание есть справедливая кара за виновно совершенное преступление, поэтому виновный должен понести наказание. Постановка социально полезной цели перед наказанием, с точки зрения его сущности, влияет на основную функцию наказания – карательное воздействие на осужденного. Другое дело, что исправительное воздействие как процесс положительного влияния на осужденного всецело подчинен социально полезным целям, особенно цели исправления осужденных.

Список источников

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. М., 1994. Т. 2. 414 с.
2. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994. Т. 6. 612 с.
3. Чубинский М. Л. Курс уголовной политики. СПб., 1912. 426 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
5. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. СПб., 1902. 136 с.
6. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. По истории уголовного права и законодательству положительному. Часть общая. СПб., 1865. Т. 1. 364 с.
7. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. 358 с.
8. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / пер. с англ. В. М. Кочана. М., 1979. 264 с.
9. Берман Г. Д. Западная традиция права: Эпоха формирования. М., 1994. 624 с.
10. Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. 329 с.
11. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. 287 с.
12. Учебник уголовного права. По истории уголовного права и законодательству положительному. Часть общая. СПб., 1865. Т. 1. 364 с.

References

1. Tagantsev, N. S. 1994, *Russian criminal law: General part: lectures*, vol. 2, Moscow.
2. Kant, I. 1994, 'Metaphysics of morals', in I. Kant, *Essays*, in 8 vols, vol. 6, Moscow.
3. Chubinsky, M. L. 1912, *The course of criminal policy*, St. Petersburg.
4. Hegel, G. V. F. 1990, *Philosophy of Law*, Moscow.
5. Mokrinsky, S. P. 1902, *Punishment, its goals and assumptions*, St. Petersburg.
6. Berner, A. F. 1865, *Textbook of criminal law. On the history of criminal law and positive legislation. The General part*, vol. 1, St. Petersburg.
7. Foynitsky, I. Ya. 1889, *The doctrine of punishment in connection with prison studies*, St. Petersburg.
8. Andenes, I. 1979, *Punishment and prevention of crimes*, translated from English by V. M. Kochan, Moscow.
9. Berman, G. D. 1994, *The Western tradition of Law: the epoch of formation*, Moscow.
10. Feuerbach, A. 1810, *Criminal law*, St. Petersburg.

11. Karpets, I. I. 1973, *Punishment. Social, legal and criminological problems*, Moscow.
12. *Textbook of criminal law. On the history of criminal law and positive legislation. The General part* 1865, vol. 1, St. Petersburg.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 20.05.2025.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 20.05.2025.